

**А.Н.ДМИТРИЕВ**

**ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА П.ЛАЗАРСФЕЛЬДА И  
Т.АДОРНО В ИССЛЕДОВАНИИ МАССОВОЙ  
КОММУНИКАЦИИ**

---

Дмитриев Александр Николаевич — аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, слушатель факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Адрес: 196158 Санкт-Петербург, ул. Орджоникидзе, д. 37, к. 1, кв. 66; тел. (812) 127-26-94.

---

Никогда окончательно не определенное и скорее интуитивное разграничение социологии и иных обществоведческих дисциплин осуществляется, как правило, "по методу" и напряжения исходных познавательных позиций (противоречия между теорией и эмпирией, нейтральностью и ангажированностью, фундаментальными и прикладными исследованиями, наконец, между объектом и субъектом) приобретают в ней форму внутридисциплинарного противопоставления "критической" (кризисной) и "позитивистской" (стабилизационной) составляющих [1]. Политическое профилирование социологической теории соотносится с методологической противоположностью "объективной" (Дюркгейм) и "субъективной" (Вебер) парадигм, очерчивая идеальные типы этих двух подходов — системной "Большой теории" с утонченными эмпирическими выкладками, идеалом поддержания консенсуса и антипозитивистской позиции "культурной критики" с сильным тяготением к этнометодологии, контекстуализму, феноменологии и т.п. Условность подобного школьного, дидактического деления тем более очевидна, что оно соответствует в лучшем случае политически нагруженным спорам едва ли не двадцатилетней давности. Кроме того, история социологии дает чрезвычайно любопытные примеры близкого взаимодействия этих идеально-типических позиций. Одним из таких опытов было (в итоге все же неудачное) участие в самом конце 30-ых годов тогда немецкого эмигранта и оксфордского доктора философии (за работу о Гуссерле) Теодора Адорно в лазарсфельдовском проекте исследования радио.

Пол (Пауль) Лазарсфельд, в 20-ые годы активный участник молодежного социал-демократического движения в Австрии, ученик лингвиста и психолога Карла Бюлера, тяготеющий к левому крылу Венского кружка (Отто Нейрату и Рудольфу Карнапу) в 1927 году основал исследовательский отдел экономической психологии при Венском психологическом институте, а в 1931 году вместе с Мари Яходой и Хансом Цайзелем провел исследование "Безработные в Мариентале" [2], выполненное в традиции немецкой социографии, отсылающей к довоенным штудиям "Общества социальной политики" о профессиональной мобильности занятых в тяжелой индустрии и исследований Адольфа Левенштейна о "рабочем вопросе" [3], а также под значительным влиянием очерка социальной жизни среднего американского города, представленного в совместном труде принадлежащих к чикагской школе Роберта и Хелен Линд [4].

Рабочий класс последних лет существования Веймарской республики изучался также группой сотрудников созданного еще в 1923 году Франкфуртского института социальных исследований под руководством Эриха Фромма, итоги работы которой были подведены

главным образом уже в эмиграции и целиком опубликованы лишь в конце 70-ых годов. Исследование было выполнено в рамках обширной программы "материалистических социальных исследований", очерченной в 1930 году при вступлении в должность новым директором института Максом Хоркхаймером, и представляло собой реализацию второй части триады "социальная философия, гарантирующая точку зрения тотальности, — построенные на этой основе новые эмпирические исследования — связывающая их общая концепция хода истории". Так ее описывает историк Франкфуртской школы В.Боне [5]. Результаты обработки вывезенных из Германии 584 анкет частично вошли в изданный институтом в 1936 году в Париже итоговый том "Studien über Autorität und Familie", о "технической" стороне которого четверть века спустя с похвалой отзывался Лазарсфельд [6, с. 85-86]. В том же 1936 году Лазарсфельд опубликовал на страницах институтского "Zeitschrift für Sozialforschung" в связи с выходом книги К.Гемпеля и П.Оппенгейма "Понятие типа в свете новой логики" замечания о типологической процедуре в прикладных социальных исследованиях (рядом с описанием "жизненного стандарта" австро-марксистом и его венским коллегой Отто Нейратом).

Эмигрировавший еще в 1933 году в США Лазарсфельд с 1937 года возглавлял финансируемый Фондом Рокфеллера проект исследования радио в Принстонском университете (Radio Research Project). Через Хоркхаймера он начал переговоры о привлечении к проекту Адорно, статья которого "Об общественном положении музыки" появилась еще в первом номере "Zeitschrift für Sozialforschung" в 1932 году. Подчеркивая, что речь идет именно об эмпирическом исследовании, Лазарсфельд отмечал: "Я намерен создать музыкальный отдел, так сказать, охотничий заповедник для "европейского подхода". Под этим я понимаю две вещи: более теоретическая позиция в отношении исследуемой проблемы и более пессимистическая — в отношении средств технического прогресса" (письмо к Адорно от 29.11.1937) [7]. Этим надеждам, однако, не суждено было сбыться, в первую очередь, по причинам скорее культурного, нежели чисто методологического порядка. Лазарсфельд рассчитывал привлечь тонкого и "рафинированного" теоретика к изучению социально-"профанического" уровня бытования музыки. Предполагалось, что Адорно будет работать над темой вместе с только что защитившим диссертацию доктором философии и джазовым музыкантом Герхардом Вайбе. Однако с самого начала отношения Адорно и Вайбе были испорчены. Сам Адорно, не называя своего коллегу по имени, впоследствии описывал ситуацию в следующих терминах: "Вряд ли он улавливал то, чему следовал я. Определенное негодование в нем было безошибочным: несомый мною тип культуры, в котором я и в самом деле не был разочарован, критичный по отношению к тому обществу, где я уже был, представлялся ему неоправданно высокомерным. Он питал недоверие к европейцам, подобно тому как [американская] буржуазия XVIII века должна была воспринимать французских эмигрантов-аристократов" [8]. Личные черты Адорно (неуживчивость, неумение работать в чужой и чуждой ему обстановке, нестандартный в отношении принятых норм стиль поведения в общении с сотрудниками и респондентами) определенно сказались на невозможности его дальнейшего участия в проекте — при достаточно терпимом отношении Лазарсфельда. Адорно даже позволял себе именовать замысел проекта "прихотью юного невежды" в присутствии самого "невежды" — представителя Фонда Рокфеллера Джона Маршалла. Само определение "административное

исследование" (с разделением труда и определенной стандартизацией интеллектуальной деятельности) безусловно внутренне отторгалось Адорно. Разделявший установку своих единомышленников по Институту социальных исследований на критику овеществленного разума, он считал невозможным уловить феномен реификации с помощью реифицированных инструментов анализа: анкет, опросов и замеров уже сформированных мнений (понятие культурной индустрии появится в этом кругу теоретиков несколькими годами позднее). Эта внешне объективная "машина" исчисления средних двигалась, по мнению Адорно, глубоко субъективным и даже наивным путем, единственной альтернативой чему должен был стать переход к изучению самого производства культуры. В 1962 году Лазарсфельд сформулировал эту теоретическую установку следующим образом: "Предполагается, что социологи превращают обширную и постоянно меняющуюся совокупность социальных отношений в понятную систему управляемых знаний" [6, с.68].

В конце октября 1939 года на семинаре проекта Адорно представил 160-страничный итоговый доклад "Социальная критика радиомузыки", который вызвал однозначно негативную реакцию коллег. У.Престон, один из руководителей радиопроекта, писал: "Доклад настолько переполнен фактическими ошибками и предвзятыми высказываниями, а его претензия на научность настолько абсурдна ввиду множества произвольных утверждений, что он вряд ли заслуживает серьезного рассмотрения, разве, может быть, в качестве пропаганды" [9, р. 339]. Позиция Лазарсфельда, высказанная им лично Адорно годом ранее по поводу обширного меморандума "Музыка на радиовещании", была более корректной, но по существу высказывалась такая же оценка. Лазарсфельд писал: "Мои возражения могут быть сгруппированы вокруг трех утверждений: 1. Вы не исчерпываете логических альтернатив ваших собственных констатации и в результате большая часть того, что вами сказано, или ошибочно, или необоснованно, или предвзято; 2. Вы несведущи в эмпирической исследовательской работе, но пишете о ней авторитетным языком, так что читатель вынужден сомневаться в вашей компетентности в собственно музыкальной области; 3. Вы критикуете других людей как фетишистов, невротиков и интеллектуально нечистоплотных, но вполне ясно демонстрируете те же черты" [7, S. 272]. В то время как от Адорно ждали в первую очередь информации, а не проникновения во взаимоотношения музыки и общества, сам он рассматривал себя скорее как социального комментатора и критика, нежели как ученого (в привычном для Лазарсфельда смысле) и сознательно шел на обострение ситуации. Как замечает американский исследователь Дэвид Моррисон, "во время чтения материалов об Адорно вряд ли что сможет помочь так, как чувство определенной симпатии, сострадания и даже грусти по отношению к его собственной воображаемой персоне ссыльного, чей мандаринский долг — охранять лучшее в германской Kultur не только от кованых сапог варварства, но и от игнорирования американской демократической массой парусиновых туфель" [9, р. 336].

Еще в 1937 году Лазарсфельд наметил пять составляющих проекта изучения радио: (1) Проблема показателей (индексов); (2) разработка исследовательских программ; (3) совершенствование техник опросов; (4) изыскания в различных (смежных.— А.Д.) областях деятельности; (5) сообщения о других исследованиях, включая библиографию современных радиоисследований в университетах [10]. Первые две проблемы обозначают магистральные направления в научной работе Лазарсфельда. В 60-ые годы эта

фундаментальная для прикладной социологии процедура будет описываться им в следующих терминах: (1) Осмысление первоначальных "образов", поиск устойчивой общей (глубинной) черты (группы черт) в разобщенных явлениях; (2) конкретизация конструктора (измерение первоначальных "образов", выделенных из "вселенной показателей", отыскание в них соответствующих "аспектов") и вытекающий отсюда (3) выбор индикаторов, составляющих основу для дальнейшей работы и, наконец, (4) конструирование шкал и индексов как картин и "замеров" наблюдаемых явлений. Кроме того, реализация этих процедур основывается на трех правилах: (а) "бескачественность" измеряемого объекта, безразлично, одушевлен он или нет; (б) выявление "латентных качеств" на основе наблюдаемых "явных свойств"; (в) вероятностный характера выделенных "латентных классов" [11].

В ранних социологических исследованиях Лазарсфельда эти методические "шаги" присутствуют как бы в свернутом виде, и результат предстает как количественная форма ответов социолога вопросы, задаваемые обществом. Так, в промежуточном отчете Принстонского исследовательского проекта (с 1940 года проект осуществлялся при Колумбийском университете) "Радио и печатная продукция", спешно подготовленном Лазарсфельдом и его сотрудниками к 1 июля 1939 года, одним из главных является вопрос о том, что значит "быть серьезным". В конкретно-социологической плоскости — это трансформируется в вопрос о предпочтениях радиослушателей в связи с их "культурным статусом", фиксируемым на основе прямой зависимости дохода и уровня образования. Речь шла о характере изменений в радиовещании в связи с постоянным расширением круга слушателей за счет низших слоев.

Исключив из массива 53,3% респондентов (этого требовал ремонт телефонной выборки), исследователи разделили оставшихся респондентов на 3 группы. Группу А составили 6,7% опрошенных с годовым доходом более 5 тыс. долларов, группу В 13,3% с доходом 3-5 тыс. долларов и группу С 26,7% с доходом 2-3 тыс. долларов. В соответствии с выделенными группами было установлено время преимущественного слушания радио (табл. 1). Предполагается, что более высокий уровень доходов и образования позволяет сделать досуг более разнообразным, менее привязанным к радио. Была также установлена заметная дифференциация радиоаудитории в зависимости от жанровой "серьезности" музыкальных программ (табл. 2).

*Таблица 1*

Время прослушивания радиопередач в зависимости от доходов респондентов, %

Группы	С 12 до 17 часов	С 20 до 24 часов
А	14	30
В	22	36
С	25	40

*Таблица 2*

Распределение музыкальных программ (приведены по две крайние позиции ранжированного ряда) в зависимости от предпочтений радиослушателей отдельно по группам, %

Программы	Группы		
	А	В	С
Metropolitan Opera	19,7	17,4	11,9
Ford Hour	20,3	17,0	13,7
First Nighter	8,0	12,9	18,0

Gungbusters	7,5	12,5	16,3
-------------	-----	------	------

Эффект "взаимозаменяемости индексов", выражающийся в корреляции "серьезного чтения" и "серьезного" слушания" был продемонстрирован Лазарсфельдом при анализе 2,5 тыс. интервью с членами клуба "Книга месяца". Он выделил 5 типов читателей и установил их предпочтения относительно радиопрограмм. Тип 1 включал любителей классики, исторических романов, Т.Манна, О.Хаксли и т.п. "Полярный" тип 5 характеризовался предпочтением журналов по сравнению с книгами, отсутствием критического отношения к прочитанному. Эта типология сопоставлялась с типологией слушателей радиопрограмм (табл. 3).

Таблица 3

Связь читательских предпочтений с ориентациями на "серьезные" и "несерьезные" музыкальные радиопрограммы, %

Радиопрограммы	Группы читателей					Всего
	1	2	3	4	5	
"Серьезные"	58,0	40,9	32,3	22,1	18,1	36,0
"Несерьезные"	47,0	59,1	67,7	78,9	81,2	64,0
Всего, чел	164	731	393	506	117	1911

Исследования показало, что "чем ниже мы спускаемся по культурной шкале, тем больше людей становятся радиослушателями, но в то же время уменьшается количество слушателей серьезной музыки... Вопрос, может быть, заключается не в том, удовлетворяет ли радио интеллектуальные запросы, которые до сих пор не удовлетворяются печатным словом, а в том, сможет ли оно развить такие потребности, которые остаются неразвитыми, пока печатное слово удерживает монополию на серьезную коммуникацию"[12]. Речь также идет о трансляции и насаждении чтения через школы и культурных "посредников", в том числе библиотеки и издательства. Так или иначе, отмечает Лазарсфельд, проблема "серьезности" радио как средства социальной коммуникации лежит "по ту сторону" исследовательских техник и процедур — в макропроцессах культурной и социальной динамики. В этом пункте позиция Лазарсфельда близка франкфуртской "теории общего хода истории". Он отмечает также важность исторических судеб страны, приютившей миллионы эмигрантов, в том числе интеллектуалов, спасавшихся от фашизма: "По милости истории этой стране предоставлено время для решения тех проблем, которые ввергли Европу в хаос. Мы должны использовать это время для того, чтобы понять действие социальные сил и приспособить наше мышление и наш способ жизни к грандиозным образом меняющейся ситуации... Если эти проблемы обсуждаются вовремя, до того, как различные заинтересованные группы составят эмоциональную картину для сиюминутного решения, то эта страна может стать единственной, которая мирно воспримет уфожаяющие социальные изменения и сохранит при этом свободу личности" [12, р. XVII-XVIII].

В подготовленном Институтом социальных исследований совместно с Бюро изучения радио при Колумбийском университете выпуске журнала "Studies in Philosophy and Social Science" (1941. Vol.IX. N 1) Лазарсфельд очертил перспективы административных ("оптималистских") исследований (в качестве примера избрана работа Гарольда Лассуэлла "Демократия через общественное мнение")и критических исследований в области массовой коммуникации, рассматриваемых им как проблематично-"дополнительные". Стремясь интегрировать критический подход в эмпирическое исследование, Лазарсфельд подчеркивает специфику соединения процедуры отбора данных и критики возможных ошибок с теоретической интерпретацией насущных социальных проблем [13, р. 14] и указывает на плодотворность критического изучения "предподготовки" массовых коммуникаций для широкого потребления, внимания к тому, "какие

идеи и формы уничтожаются всякий раз перед тем, как достичь широкой публики", обращение критических исследователей к популярным жанрам "биографий великих личностей" (Л. Левенталь), исторически изменчивой области "опыта" (В. Беньямин), социальной функции "музыкального потребления" (Т. Адорно).

Летом 1940 года завершилось сотрудничество Адорно в радиопроекте, формальным итогом которого стало исследование о симфониях на радио, опубликованном в книге "Radio Research 1941", где Адорно указал на трансформацию жанра симфонии в связи с особенностями массовой трансляции и восприятия, когда наиболее значимыми становятся как раз внешние, "социетальные" качества бытования музыки — имя дирижера или (неотличимое для подавляющего большинства слушателей) скрипичного мастера. В том же номере "Studies in philosophy and social science" Адорно опубликовал обширное исследование о популярной музыке (жанровыми чертами которой, в отличие от классической, являются утрата особого рода тотальности связи деталей, стандартизация и псевдоиндивидуализация), что вполне соответствует характеру ее восприятия. В намеченной здесь же "теории слушателя" он связал характер популярной музыки с категориями досуга в общей культурной "рамке" *производящей* цивилизации: "Потребители музыкальных развлечений сами являются объектами, или, в действительности, продуктами того же механизма, который определяет производство популярной музыки. Их свободное время служит лишь для воспроизводства их рабочей силы... Они хотят стандартизированных товаров и псевдоиндивидуализации, ибо их досуг есть бегство от работы и в то же время он формируется по тем же психологическим позициям, к которым исчерпывающим образом приучает мир их рабочего дня. Популярная музыка есть вечный "испорченный отпуск" для масс" [13, р. 38]. Разумеется, выводы и констатации такого рода не могут быть получены с помощью самых тщательных процедур сбора и анализа данных, но зато они способны стать их методологической основой — исходным определением теоретических установок исследования).

Культурный анализ поля радиокommunikаций не был чужд самому Лазарсфельду (он высоко оценивал, например, работу венского искусствоведа Рудольфа Арнхейма о "мире дневных сериалов" в "Radio Research 1943-1944"). Через несколько лет после ухода Адорно из Бюро изучения радио критическая теория смогла обрести "эмпирическую" составляющую в разработанной им Ф-шкале в проекте "Авторитарная личность". Вероятно, неудача совместной работы определялась не только культурными факторами, но и разным толкованием метода социального исследования. Адорно понимал метод скорее в духе европейской гносеологии, чем американской "исследовательской техники". Немаловажное значение имели расхождения в понимании предмета изучения: с одной стороны предмет толковался в терминах распределения и "оптимизации" радиоаудитории в административном исследовании, с другой — в терминах целостного критического анализа культуры позднего капитализма. Определяющим моментом методологического исключения "точки зрения социальной тотальности" для Лазарсфельда стало последовательное устранение из процедуры отбора и классификации переменных самой операции соотношения полученных результатов с исходной картиной исследования. Методологическое движение как бы замыкается каждым последующим шагом во все более "имманентном", в конечном счете самоопосредованном пути достижения искомой внутренней валидности. Не до конца проясненной остается проблема соотношения "экспрессивных" и "предиктивных" показателей, равно как и природа "взаимозаменяемости индексов" [6, с. 81, 97]. Например, может быть поставлено немало вопросов о природе "серьезного чтения" и "серьезного слушания" по мере возрастания дохода и уровня образования. Тем не менее методология эмпирического социологического исследования отсчитывает свою историю именно от

Принстонского бюро радиоисследований Лазарсфельда.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Буржуазная социология на исходе XX века: критика новейших тенденций / Отв. ред. В.Н.Иванов. М.: Наука, 1986.
2. Jahoda M., Lazarsfeld P., Zeisel H. Arbeitslosen in Marientahl: Ein soziographischen Versuch. Leipzig, 1933.
3. Obershall A. The empirical social research in Germany. 1871 — 1914. Cambridge, 1974.
4. Lynd R. Lynd M. Middletown: A study in American contemporary culture. New York, 1929.
5. Bonss W. Critical theory and empirical social research // Fromm E. The working class in Weimar Germany. Berg Publish., 1984. P. 18.
6. Лазарсфельд П. Методологические проблемы социологии // Социология сегодня: Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX века: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Г.В.Осипова. М.: Прогресс, 1965. С. 85-86.
7. Wiggershaus R. Die Frankfurter Schule: Geschichte. Theoretische Entwicklung. Politische Bedeutung. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. S. 267.
8. Adorno T. Scientific experience in America // Intellectual migration in America. 1930-1960. Cambridge.(Mass.): Cambridge University Press, 1969. P. 348-349.
9. Morrison D. Kultur and Culture: The Case of Theodor W. Adorno and Paul F.Lazarsfeld // Social Research. Vol.45.N 2.
10. Lazarsfeld P. The history of empirical social research — The Memoir // Intellectual migration in America. 1930-1960. Cambridge.(Mass.): Cambridge University Press, 1969. P. 318.
11. Лазарсфельд П. Измерение в социологии / Пер. с англ. // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы/ Ред. и вступ. статья Г.В.Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 138-141.
12. Lazarsfeld P. Radio and printed page. An introduction to the study of radio and its role in the communication of ideas. New York: Duel, Sloan and Pearce, 1940.
13. Studies in philosophy and social science. Vol.IX. N. 1. P. 14.